

пум

Маленькая хрупкая девочка отлетела к другому краю кровати.

«Аа-а-ай!» – чуть слышно простонала Юнона, не в силах даже громко закричать. Резкая, пронизывающая боль распространилась по всему её телу до самых кончиков пальцев, по щекам покатались первые горячие слезы.

Кён с каменной миной матерого палача приблизился к девушке, грубо схватил за шелковистые золотистые волосы и безжалостно выволок её с кровати на пол.

Пришло время мести... Сладкой, нежной, извращённой, аморальной мести. Он ненавидел этого демонёнка в ангельской оболочке каждой клеточкой своего тела. И совершенно не важно сколько ей лет и что она, в отличие от него ранее, сейчас не сможет защищаться. Возможно, он проявил бы некоторое снисхождение, если бы девчонка относилась к нему хоть сколько-нибудь по-человечески, дала бы пищу и кров, предоставила заживляющие лекарства, после её «тренировок»... Ну, или хотя бы во время оных спрятала со своей мордашки эту садистскую ухмылку. Однако, увы-увы. Она – злобное отродье, получающее удовольствие от чужой боли (и ей совсем неважен статус цели, над Жаном она тоже издевалась), а её отношение к рабам... Это было что-то вроде адской смеси расизма и нацизма. Её явно плохо воспитали, так что такую испорченную тварь можно и нужно наказывать, бить и всячески унижать – может, хоть это её как-то изменит к лучшему.

«Хва-а-атит! Отпусти-и-и! Мне бо-о-ольно!» – девушка тихо подвывала, скулила от боли, что-то мычала себе под нос. Столь грубым образом с ней никто и никогда еще не обращался. Из-за почти выдираемых жесткой хваткой Кена волос голова горела огнем, а слёзы все чаще прочерчивали мокрые дорожки на гладких щеках.

«Слушай меня, сука, я разрешаю тебе двигаться, но медленно и печально, а также запрещаю использовать формацию, либо каким-то иным способом сопротивляться мне!»

«Да что тебе надо?!» – пропищала девушка сквозь слезы. – «Я уже предложила тебе свободу и деньги! Вам, рабам, ведь больше ничего в жизни не нужно, так в чём проблема?!»

Кён пренебрежительно закатил глаза:

«Деточка, мне нужны твои страдания, чтобы ты своей пустой головёшкой хоть немного поняла, да прочувствовала на собственной хорошенькой шкурке, каково мне было.»

Договорив, он резко и сильно ударил девушку в живот, затем в рёбра и в бок. Было бы жалко бить такую милашку по лицу, портить её внешность – против законов неба, даже он боялся молнии свыше. А ещё Дину. Эффект будет примерно одинаковый – он умрёт страшной смертью.

«А-а-а-ай! Не-е-е-ет! Бо-о-о-ольно! Перестань делать мне больно!» – подвывала Юнона в ужасе от нового, мучительного для неё ощущения. До сего дня она была совершенно убеждена в том, что раб не имеет никакого права мстить ей, ведь это так же невозможно, как если бы ей захотела отомстить порванная на тренировке куртка.

«А когда ты приказала мне выбить себе зубы? А когда дала ложную надежду на прощение, а потом хотела убить палкой? Ты не думала, что мне было куда больнее, чем тебе сейчас, мелкая мразь?!» – слова взбешенного мстителя источали ничем не прикрытую ненависть. Прощать её за тот нечеловеческий приказ – выбить себе зубы лишь за то, что она сама на него упала, он не собирался. Кён подвесил её за волосы и со всей силы заехал кулаком с собранным в нём чистой силой прямо в солнечное сплетение своей хнычущей жертве, от мощи такого удара её пулей отшвырнуло в сторону.

Девушка упала и, сильно закашлявшись из-за сбитого после удара дыхания, свернулась калачиком на полу, едва слышно постанывая. Слезы текли из её больших, напоминающих изумруды, глаз не переставая, но рыданий, свойственных маленьким обиженным детям, не было, только почти неслышимые хныкания, стоны, завывания и кашель.

Она никогда не думала, как себя чувствуют её вещи-рабы, пока она их убивала: била, ломала им кости, калечила. Это её вообще не касалось! Всегда есть власть имущие, а есть дно общества, не имеющие никакой цены. Но сейчас, когда этот ничтожный парень так жестоко бьёт её, волей-неволей осознаёшь, насколько нелегко пришлось её прошлым жертвам. Однако ей плевать на них даже сейчас – все-таки они не люди, а мусор. Ей было жалко только себя.

Безжалостные побои продолжались еще примерно с пару минут. Что бы она ни говорила, как бы ни уговаривала, бить её он не переставал, а порой, казалось, только усиливал и ужесточал напор. Девушка полностью покрылась ушибами разной степени тяжести, на коже выступило множество наливающихся синяков. Всё, что находилось ниже шеи и примерно до уровня таза, выступало в роли боксёрской груши для безжалостного монстра.

Юнона не могла сопротивляться, не могла двигаться или хотя бы громко кричать от боли. Ей сейчас оставалось только принимать побои и быть раздавленной тем, кто сам только для этого и существует – как же это несправедливо! Ей казалось, он просто хочет прикончить свою обидчицу. А ведь юной девчонке так хотелось жить: она только-только установила связь с душой, встала на ноги, начала развиваться, а её главная мечта – доказать всем, что она лучше сестры – уже не за горами, но, кажется, этой ночью её песенка будет спета. Слезы ручьем лились из глаз, но даже сейчас ей больше хотелось не плакать или упиваться своим горем, а убить ненавистного раба и выпутаться из этой кошмарной ситуации, но как?..

«Пожалуйста... Не убивай...» – жалобным, подрагивающим от жгучего стыда и унижения голосом, едва слышно простонала еще совсем недавно столь высокомерная и заносчивая мисс.

Кён на секунду остановился, внимательно посмотрел ей в глаза, а потом презрительно фыркнул:

«Ну точно дура... Я вообще-то сам жить хочу! Не все рабы такие тупые, как ты, сука недалекая, считаешь.» – он вновь бросился на девушку с неудержимой яростью, словно голодный волк на беспомощного и раненого ягненка.

Примерно через несколько минут упоительного избиения у Кена все же сбилось дыхание, плечи скатывались капельки пота от активной «работы» кулаками, но усталость не шла ни в какое сравнение со вспыхивающим в нем необычайным восторгом от содеянного. Наверное, также себя чувствует чемпион мира по бегу, когда бьёт мировой рекорд.

Парень поднял все еще очаровательную, но уже изрядно избитую и заплаканную благородную мисс за волосы, поднёс её прекрасное личико за подбородок поближе к себе и пронзительно посмотрел в глаза:

«Хорошо, я слегка выпустил пар. А теперь я хочу, чтобы ты поприветствовала своего господина так, как и подобает покорной рабыне, а я перестану тебя бить. Возможно.»

Юнона, будучи подвешенной за волосы, испытывала жгучую боль во всём теле. Она съежилась комочком, будто нашкодившего котёнка взяли за шкурку после его грязного дела, прикрыла грудь одной рукой, а живот – другой: ей совсем больше не хотелось, чтобы её опять колотили по этим местам.

Раб нагло притянул её к себе и прижигает взглядом своих тёмных, словно безлунная ночь, глаз. И смотрит он так пренебрежительно, по-хозяйски высокомерно... Никто до сего момента не смел так заносчиво на неё смотреть. Девушке хотелось вырваться, а затем зверски убить своего подлого мучителя, но увы – любое малейшее движение в её висячем положении вызывало острую головную боль до искр в глазах... В своих мыслях ей казалось, что она лишь несчастная жертва злого рока и вопиющей несправедливости.

Кёну совсем не понравилось, что девушка до сих пор не отводит взгляда от страха: уже натурально скулит от боли и угнетения, а глаза вроде бы уже давно на мокром месте, но в них все еще ярко горели самые разные чувства: желание убивать и ненависть, упорство и негибкость.

Он грубо дернул её за волосы:

«Ну? Я не слышу, как ты приветствуешь своего любимого господина.»

Её стройное маленькое тело было легким, как перышко. Как-то даже обидно, что он проигрывал в боях такой хрупкой девушке – трудно поверить, что такой внешне невинный ангелочек может над кем-то столь жестоко издеваться. Теперь она смотрится куда привлекательнее, особенно если вспомнить тот момент, когда она с ехидной улыбкой на лице пинала беспомощного парня, который даже встать уже не мог.

Юнона закусила губу от досады, внутри все переворачивалось от непередаваемого унижения,

но даже так – она готова терпеть это отвратительное чувство сколько угодно, ведь даже это было лучше, чем выполнять столь унижительный приказ. Да она лучше умрет, но не скажет столь позорящих её честь слов! Из её уст не вышло ни слова, она лишь бросила на парня очень красноречивый и презрительный взгляд, как бы говорящий – «ни в жизнь».

Кён нахмурился. Понятно, эта мелкая дрянь все-таки не хочет признавать его хозяином. И это весьма плохо: если она не поймет эту непреложную истину сейчас, то потом он не оберется проблем от её непослушания, поэтому уже сегодня необходимо указать сучке на её место так, чтобы она наконец поняла, кто здесь настоящий повелитель её души и тела. И вообще, пусть скажет спасибо, что в его планы не входит калечить или уж тем более убивать столь ценную пешку. Только причинять боль, моральную или физическую – неважно, главное, чтобы без видимых последствий.

Вид забитой подвешенной девушки мог разжалобить сердце любого человека. Заплаканные глазки, растрёпанные волосы цвета солнца, аккуратные ножки, болезненно дрыгающиеся в коленях. Она пыталась встать на ноги, но не дотягивалась до пола – роста не хватало.

Любой нормальный человек, увидев, что кто-то может причинить вред этому прелестному ангелочку, тут же гневно разорвал бы такого монстра на клочки. А дедушка Бай пытал бы его до скончания времен так старательно, что он, вне всяких сомнений, пожалел бы, что родился на свет.

Однако Кён был непоколебим в своих действиях. Даже больше... Он испытывал экстаз и возбуждение. Вот она, сладкая месть, необузданная и опьяняющая. В наказание за её жгучие презрительные взгляды он опять потрепал девушку за многострадальные волосы, слегка натянув их на кулак. Новые стоны и всхлипывания от бывшей госпожи, а ныне рабыни, ласкали уши мстителя приятнее звонких соловьиных трелей.

«Молчишь? Ну хорошо... Тогда я буду продолжать, пока ты не сдохнешь.» – тихим голосом прошипел неумолимый мучитель свою угрозу, очевидно, соврав.

Ему категорически не стоит её уродовать, калечить и тем более убивать. Ведь она – его путь наверх, послушный (ну ладно, пока не совсем) и весьма важный инструмент. Она должна отдать всю себя ради его целей – время, волю и, возможно, даже тело. Сама заслужила себе такую судьбу, так что так ей и надо.